

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Ю. М. ЛИХТЕНБЕРГ

ДВЕ ВНОВЬ НАЙДЕННЫЕ РУКОПИСИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Президиум Академии Наук СССР в 1946 г. в ознаменование 100-летия со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая вынес решение об издании собрания сочинений этого выдающегося русского путешественника и ученого. Подготовка издания была поручена Институту этнографии АН СССР. Это потребовало тщательного изучения архивных фондов Н. Н. Миклухо-Маклая, пересмотра всего его научного наследия.

Из архивов извлечены неопубликованные до сих пор дневники, научные статьи и заметки Миклухо-Маклая. Весь этот материал вошел новым вкладом в собрание трудов Н. Н. Миклухо-Маклая.

Когда работа по подготовке издания была почти закончена, рукописный фонд Миклухо-Маклая неожиданно обогатился двумя ценными рукописями. Государственная Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина в 1949 г. приобрела рукопись, отрывок подлинного дневника первого пребывания Миклухо-Маклая на берегу Маклая в 1872 г. Рукопись приобретена у лиц, в руки которых она попала случайно. Вслед за этим Институту этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР была передана записная книжка № 4 с заметками и рисунками, сделанными Миклухо-Маклаем во время его второго пребывания на берегу Маклая в 1876—1877 гг. Она хранилась у проф. М. С. Боднарского и им передана Институту этнографии в 1950 г.

Обе эти рукописи представляют чрезвычайный интерес.

Находка рукописи дневника приобретает особую ценность потому, что это единственный фрагмент, сохранившийся от подлинных новогвинейских дневников Миклухо-Маклая. Как известно, по возвращении на родину Миклухо-Маклай был занят подготовкой к опубликованию своих дневников и научных трудов. Первый том, куда должны были войти новогвинейские дневники, был им почти подготовлен к печати. Новогвинейские дневники обработаны Миклухо-Маклаем и переписаны набело чужой рукой. Что стало с подлинниками, — неизвестно.

1. Фрагмент дневника. Рукопись состоит из 17 листов плотной голубой бумаги (разм. 32,5 × 20 см). На каждом листе в правом верхнем углу проставлены красным карандашом номера. На первом листе стоит цифра «2», а дальше номера идут в последовательном порядке до 10. Здесь, как видно, недостает 6 листов, так как на следующем листе нумерация начинается с 17 и обрывается на 24. Таким образом, в рукописи нехватает первого листа и из середины вырвано шесть листов.

Кроме ежедневных записей, в рукописи есть еще рисунки, поясняющие текст. К записи 3 января дан схематический рисунок, показывающий распределение волос на голове папуасов; к записи 4 января — рисунок «многозубца» — копыта на рыбу; 13 января — рисунок вертикального разреза общественного сарая папуасов; 19 февраля — рисунки грудей папуасок, девушки и женщины, и голова папуаски с носовым и ушным украшениями.

Сравнение текстов данного фрагмента оригинала с имеющимся дневником показывает, что Миклухо-Маклай при обработке дневника не только выпускал интимные, не имеющие научного значения заметки, но и описания тех весьма тяжелых условий, в которых происходила его работа. О болезнях и страданиях, связанных с ними, Миклухо-Маклай упоминает лишь мимоходом с досадой, что они мешали ему работать.

1 января 1872 г. запись начинается словами: «Новый год встретил 12 выстрелами из 2-х револьверов и потом выпил целый кокос за здоровье родных и друзей моих — лег спать».

В конце записи 13 января он пишет «Так встретил я русский 1872 [год] в Н. Гвинее». Эти краткие заметки в дневнике показывают, что мысли Миклухо-Маклая неоднократно возвращались к родным и Родине.

В переписанном тексте совершенно выпущена запись 7 января. В этот день Миклухо-Маклай страдал от сильного приступа лихорадки. И вот это физическое и психическое состояние больного лихорадкой ученый старался описать до тех пор, пока ему служила рука и работал мозг.

Вот эта его запись:

«108 Д. 7 янв. Вскр. (7½ ч. веч. дождливого холодного дня. Нахожусь при самом начале 2-го (24?) пароксизма, дрожь пробирает понемногу, голова начинает по временам кружиться все чаще и чаще).

Ни папуасы, ни тропический жар и не трудно-проходимые леса стерегут берега Новой Гвинеи. Защищающий ее от чужих нашествий могучий союзник это — бледная, холодная, дрожащая, потом сожигающая лихорадка. — Она сторожит прибывшего при первых лучах солнца и при палящем зное полдня, она готова захватить неосторожного и при догорающем свете дня, черная тихая или бурная ночь, чудный месячный блеск не мешают ей напасть на человека. Она сторожит его везде изменчески, человек даже не чувствует ее холодных объятий... Но это только на время, скоро точно свинец вливается в его ноги, голова туманится, холодная дрожь пробирает его, трясет его. Мозг начинает изменять ему, образы то громадные и чудовищные, то печальные и тихие сменяются перед его закрытыми очами. Холод, мороз переходят в жар, палящий, сухой, нескончаемый... Образы переходят в какую-то скачущую фантастическую пляску. Человек остатком чувств сознает, что он в руках врага, но только на секунду. Его мозг...»

Почерк крупный, неровный, буквы растянуты. Последнее слово «мозг...» сильно растянуто. На этом обрывается запись, мысль осталась незаконченной.

Запись 8, 9 и 10 января состоит из одного слова: «лихорадка».

Слабое представление о том, каково было физическое состояние Миклухо-Маклая в эти дни, дают несколько скупых строк записи следующего дня.

«...Не стану подробно описывать мое состояние [в] эти пять дней. Скажу только, что голова несносно болела и я при этом был так слаб, что, чтобы сделать три шага, я с постели своей осторожно опускался на пол и полз остальные два шага, поддерживая одною рукою страшно болящую голову. Чтобы напр. ложку лекарства поднести ко рту, я одною рукою поддер[живал] другую, и то обе недолго могли держать такую тяжесть. Вчера не мог я еще ходить, сегодня медленно двигаюсь и опухоль глаз и лба понемногу (от лихорадки) проходят».

2. Записная книжка № 4. Записная книжка представляет собой небольшого формата (15×10 см), но толстую книжечку. На заглавном листке стоит, кроме номера книжки, «Берег Маклая. Бугарлом Айру, 1876 июль—ноябрь 1877 Миклухо-Маклай». Она содержит как заметки, так и рисунки. Все это занимает 95 листов книжки. Материал расположен в системе, по разделам. В первом разделе — записи и заметки, главным образом географического характера: сюда входят заметки об экскурсиях в деревню Марагум-Мана, 2 и 3 августа 1876 г., в деревню Рай; экскурсия вверх по течению р. Габенау. Здесь же рисунки, сделанные тушью или карандашом, характеризующие географический ландшафт посещаемого им района. В числе их есть карандашный рисунок рельефа с вершиной Петра Великого. Этот рисунок является вторым подтверждением того, что одну из вершин на Новой Гвинее Миклухо-Маклай назвал Пиком Петра Великого. До сих пор это было известно лишь по одному рисунку в записной книжке (Архив АН СССР, ф. 143, оп. 1, № 24).

В этом же разделе записаны названия окрестных деревень; несколько слов диалекта жителей деревни Рай; высота различных точек на берегу Маклая; заметка об острове Кар-Кар (о-в Дэмпира) и рисунок острова Кар-Кар; заметка о древнейших вулканах и рисунки (цветной карандаш и акварель), показывающие пять различных стадий извержения вулкана 12 ноября 1877 г. на острове Вулкан.

Большой интерес представляет заметка о том, что деревня Бонгу делится на девять кварталов. Записаны названия кварталов, общее число жителей и хижин в каждом квартале и отдельно — число мужчин и женщин.

На этой же странице есть карандашная пометка: «Горенду 3 квар[тала]; жит[елей] 28, (13 женщин)».

В обработанном Миклухо-Маклаем дневнике данные о кварталах отсутствуют, но для изучения общественной жизни папуасов эти данные чрезвычайно важны.

Кроме того, запись о числе жителей и хижин в деревне Бонгу еще раз подтверждает, что в Бонгу действительно существовало вызывающее недоумение странное соотношение между числом взрослых жителей (76) и числом хижин (88).

В разделе «Антропологические заметки» записаны данные антропологических измерений жителей 11 деревень на берегу Маклая; измерения черепов; таблица измерения детей деревень Бонгу и Горенду. Здесь же рисунки «гатеси» (локона) и завитка волос, рисунки носов папуасов и ногтя.

В разделе «Этнографические заметки» записано празднование «мун» Бонгу. В дополнение к тексту, известному по дневнику, здесь имеются три схемы, показывающие расположение участников в танцах. Есть рисунок сангин-оле — обрядового головного убора.

Дальше следуют рисунки — мандюри (предмет магии) и деревянная маска (черный и красный карандаш), сделанные Миклухо-Маклаем в Сангдимби-Мана 8 сентября 1876 г.

Маленькая заметка о «мулум» (обрезание) ценна тем, что является единственным описанием у Миклухо-Маклая того, как происходит самый процесс обрезания у папуасов берега Маклая.

Описанием свадьбы Мукау и болезни и смерти жены Моте кончаются «Этнографические заметки».

Последний раздел «Искусство у папуасов» состоит главным образом из рисунков: каменный топор, рубка дерева каменным топором; краткое описание того, как происходит сверление отверстия в собачьем зубе и обделка разных предметов из кости и дерева; рисунок осколков кремня, которые употребляются как орудия производства — нож и сверло.

Большой интерес для изучения первобытной техники представляют рисунки, показывающие, каким образом держат кремень в руке при откалывании осколков; два рисунка, изображающие различные стадии обработки раковины *Trochus Niloti* для браслета; рисунок западни для диких свиней.

Дальше следуют рисунки топорика с резным изображением человеческого лица, рисунки орнаментов на бамбуке, резьба на копьях деревень Горима и Богатим, рисунок двух глиняных горшков для воды (о-в Били-Били) со вдавленным орнаментом.

За этим разделом следует заметка о каннибализме в местности Еремпи на берегу Маклая и рассказ, услышанный Миклухо-Маклаем от Каина, жителя о-ва Били-Били, о «Далекой стране Анут». В стране Анут люди имеют железные топоры и ножи, большие дома, люди одеты в платья. Этот рассказ, о котором Миклухо-Маклай нигде больше не упоминает, свидетельствует о том, что жители о-ва Били-Били имели какое-то смутное представление о странах с более высокой культурой.

Заканчивается книжка рисунками плодов и листьев растений арван, тауви и танинг.

Каждая из этих рукописей представляет для нас большую, хотя различную по своему значению, ценность. Рукопись дневника дорога нам тем, что является документом, свидетельствующим о тех невыразимо тяжелых условиях, при которых проходила столь плодотворная для науки работа Миклухо-Маклая на берегу его имени; она говорит о подлинном научном героизме русского ученого. Заметки и рисунки Записной книжки № 4 дают очень ценные дополнения и уточняют в некоторых случаях скупые, сравнительно с другими дневниками, записи дневника второго пребывания на берегу Маклая.